

Город в XX веке стал проблемой и вызовом новому, формирующемуся проектному урбанистическому сознанию. Рациональные подходы к городу поначалу сулили светлые перспективы, которые и сегодня можно почувствовать в графических листах Ле Корбюзье или Л. Гильберсаймера, однако мыслить город одной лишь перспективой мог позволить себе только Ренессанс. XX веку нужны всеобъемлющие технологии, но за наиболее совершенной системой расчета, нормирования и контроля должно стоять нечто, продуцирующее саму идею города. Бесплодным технологиям, принятым в качестве инструментов, требуется подпитка со стороны креативных, вдохновляющих, пусть и нестрогих идей. Характер и метаморфозы таких идей обсуждаются в статье.

Ключевые слова: город XX века; идея города; формы мыслимости; урбанизм; этимология урбанистических метафор. /

In the XX century, the city became a problem and challenge to a new, developing urban design consciousness. At first, rational approaches to the city promised bright prospects, which can still be felt today in the graphics of Le Corbusier or L. Hilberseimer. However, only the Renaissance could afford conceiving the city in only one perspective. The XX century needs comprehensive technologies, but the most advanced system of calculation, regulation and control should be based on something that generates the very idea of the city. Fruitless technologies taken as tools need to be boosted by creative, inspiring, although nonstrict, ideas. The nature and metamorphoses of such ideas are discussed in the article.

Keywords: city of the XX century; the idea of the city; forms of conceiving; urbanism; etymology of urbanistic metaphors.

Формы мыслимости города XX века: пространство, субстанция или среда? / Forms of conceiving the city of the XX century: space, substance or environment?

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Вслед за масштабными метафорами механизма и организма, между которыми шла борьба за владение образом города – города как такового – в XIX столетии и позже, после разоблачений вроде горьковского «города желтого дьявола» и дистопий в духе «Метрополиса» Фрица Ланга, помимо утопий «города-сада» и апологий вроде райтового Broadacre City, воображением, направленным на проблему города, в XX веке владели три основные парадигмы, не всегда получавшие имя, но вполне, кажется, сводимые к понятиям пространства, субстанции и среды. Рассмотрим их в различиях и связях.

Пространство

Фантазм пространства овладел архитектурно-урбанистическим воображением где-то в середине XIX столетия. Вероятно, незабвенный Кристалл-Паллас Джозефа Пакстона послужил тому импульсом и вечным (в точном смысле слова [1]) примером перед глазами. «Пространство» архитекторов и урбанистов скрестилось с пространственно-временными концептами физики начала XX века, впитало в себя пространственные грезы скульптуры и живописи от Сезанна до футуризма, утонуло в «Черном квадрате» и вынырнуло в приморских санаториях Литтории и советских наркоматов, в виллах вроде E-1027 Эйлин Грей. Реальные города, как обычно, остались в стороне от этой гламурной истории приключения идей, но вполне избежать влияния «пространства» им не удалось. Города XX века замышлялись функционально, и, что бы ни предполагалось за этой мутной формулировкой, им было предписано пространственное разнесение «функций», канонизированное Афинской Хартией. А всякое разнесение, по Жаку Деррида, есть «опространствление», *Espacement* – игра в различия и связи.

У В. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» в статье «Пространство» читаем: «Дай простор! отойди, посторонись... Простору нет, руки не доходят, недосужно, некогда. Ум простор любит. Своя воля велик простор».

Случайна ли связка с волей и жестом (схватить руками) – действием по рассудочному и трудному (с усилием) преодолению пространства? Нет, конечно. Про-странство (через/для/ради) – целевой и волевой заброс, отправ-

ление в странствие. Остранение для какой-то задачи; расталкивание иного (в том числе смыслов) по сторонам со столбовой дороги...

Станции (о них ниже) для пространства – пересадочные точки маршрута, где меняют лошадей (с Петра I таково значение слова «станция», пришедшего из восточноевропейских языков). Здесь нет явленности – все отсрочено, все на отдалении (удаленный доступ). Дазайн (Dasein М. Хайдеггера) откладывается (актуально отсутствует); интенция движения вытесняет всякое наличие, девальвирует подлинность в секвенцию стремительно меняющихся мнимостей – истин-на-час.

Но ведь пространство (как и время) не субстанциально. Похоже, оно было изобретено для освобождения от власти субстанций, для ускользания от их магнетизма, или по крайней мере для пролонгации иллюзии такого – вынужденного вечно повторяться – ускользания.

Таково и пресловутое «клиповое сознание»: ему тесно в Местах, поскольку оно не видит и не понимает их. Чувственное многообразие здесь уже нечему свести и нечем успокоиться. Возникло бы такое сознание вне ангажированности далями «пространства», на утопанных площадках традиции, где обнажились ребра и жилы субстанций? Ответ очевиден. Нет, не могло бы возникнуть. Оттого и все без исключения «пионеры современной архитектуры» предпочитали аморфные дали «пространства» работе с традиционной, а значит, нормированной и даже канонизированной субстанцией и ее легитимными организованностями. Но разве это должно удивлять: если нет ни традиции, ни культуры, остается один выход: заниматься инновациями.

В этом вымышленном ускользании ничего нельзя доподлинно разглядеть, однако нельзя сказать, что здесь нет порядка. Напротив, новый порядок, нарезанный ритмами и метрами от станции к станции горизонтального трансцензуса (т. е. интенции движения вдаль, в воображаемое географии, где таятся чаемые миры Утопии, – ведь эта именно интенция Нового времени противопоставлена традиционному трансцендированию вверх – к миру вышнему), сам кружит голову и усыпляет взгляд.

Изменилась в XX веке и техника взаимодействия со временем: дело не только в том, что его отрезки, так

или иначе освоенные опытом, стали короче, а их протяженность начала выпадать из экзистенциальной масштабности; время присутствия теперь упорно проецируется на карту пространства (т. е. на матрицу отсутствия); аутопоэзис саморазвертывания последовательно замещается погоней за внешней назначенной целью (destination), а значит, и именованностью траекторий извне – так самоопределение переносится на формализованные планы («План А и План В», которые теперь должны всякий раз быть, даже когда их по факту нет, что уже стало мемом в голливудских комедиях), а потом и на пресловутую «дорожную карту». Имманентная событийность и содержательная непрерывность экзистенциального времени оказываются отождествлены с логистикой в пустоте и ее дискретными мероприятиями – пересадочными станциями, наследницами ПРОУНов, где меняют уже не лошадей, но смыслы, где пересаживают сознание.

Еще из В. Даля: «В тленом люди живут, а на просторе (на воле) волки (или волка гоняют) ...».

«В тленом...» Тлен Х. Л. Борхеса – вымышленное, виртуальное пространство – похитил у мест подлинного обитания и их имя, и их субстанциальность, и их темпоральность (временение), а значит, и правду жизни и смерти: «Десять лет тому назад достаточно было любого симметричного построения с видимостью порядка... чтобы заморозить людей. Как же не поддаться обаянию Тлена, подробной и очевидной картине упорядоченной планеты? Бесплезно возражать, что ведь реальность тоже упорядочена...» [2, с. 61].

Видимый и умышленный порядок пространства, требующего для своего употребления хотя бы грубой нарезки «от изготовителя», заместил собою умудренную и неброскую упорядоченность субстанции, в любых деталях не теряющей целостности, вкусы сместились не десять лет назад, гораздо раньше для нас нынешних – в модернистскую эру, но все не вернутся назад, хотя маятник, кажется, уже давно минул свой экстремум.

Пространства не монотонны

«Грек работал воздухом». Нет, это не об одесской черной бирже и некоем греке, торговавшем на ней воздухом, и не о каком-нибудь насосе. Это совершенно точный

термин, под которым нужно понимать, что греческой архитектуре античного периода присущи колоннадные композиции, портик, периптер и т. п. Вот и все. Это и не по-русски, и туманно. ««В этом безумии есть своя система», как сказал Шекспир», – иронизировал над «пространственными увлечениями» своего времени А. К. Буров [3, с. 109]. Пространство стало одной из любимых категорий эпохи модернизма (или, точнее, квазикатегорией, поскольку, в отличие от физики или геометрии, в архитектуре никто специально не проводил должной категориально-понятийной работы, свидетельством чему могут служить апологетические тексты, вроде сочинения Зигфрида Гидиона «Пространство, время, архитектура», 1941). Пространство стало идефиксом модернизма.

Однако европейское пространство никогда не было российским «простором»! Читаем у Мигеля де Серто в «Изобретении повседневности»: «Урбанистические техники, организующие вещи в пространстве, можно возвести к традиции «искусства памяти» (Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997). Способность видеть знание как пространство (где каждой фигуре или функции отведено свое «место») развилась на основе этого искусства; именно оно стало организующим принципом западных утопий, вплоть до бентамовского Паноптикона. Его форма остается неизменной, как бы ни менялись, в зависимости от эпистемы, содержание (прошлое – воспоминания, настоящее, будущее) и направленность конкретных проектов (сохранять или создавать)» [4, с. 26].

Таким образом, «пространство» – это... шкафчики европейской склонности к каталогизации, о которой писал Умберто Эко [5] (и Гастон Башляр; ну и сам Иеремия Бентам, ведь Паноптикон – тоже своего рода «шкафчик»); это такое воображаемое предуготованной гармонии, в котором размещаются вещи и идеи, что-то вроде мнемонической формулы. В этом смысле европейское «пространство» есть продукт интуиции вовсе не архитектурной, но бюрократической, утилитаристской, систематизаторской (линневской); оно есть порождение дисциплинарного разума, и Паноптикон – не экзот на его поле, не маргиналия, а культивируемый плод.

Здесь, как и на едва ли не на каждом шагу нашего дискурса, открывается возможность ветвлений: ведь город как текст, как речь или язык – также центральные метафоры урбанистического воображения XX века, которым отдали дань Р. Барт, У. Эко, Ж. Бодрийяр и многие другие. Но мы вынуждены ограничивать нашу эрудицию, ведь иначе пришлось бы говорить и о парижских (и прочих) ситуационистах, а где они и где рационалистический урбанизм XX века! Форм практикования города (или уж городского поведения, как стали говорить теперь) в XX веке родилось заметно больше, чем форм его мыслимости. Это сравнимо с многообразием речевых практик на базе одного языка. «Ходьба относится к городу так же, как речевой акт – к языку», – утверждает М. де Серто [4, с. 28], и мы не смеем ему возразить.

Субстанция

Концепт субстанции принято рассматривать как антитезу концепту пространства: предполагалось, что пустота и обезличенность, которыми обернулось в городах XX в. пространство, разрешаются субстанциально неким позитивным наполнением и приписанным ему с классической греческой античности значением. Наиболее субстанциальными, т. е. плотными (обладающими плотью) или даже «густыми» (смыслами и значениями), городами стали, несомненно, города и другие урбанистические структуры «неоклассицизма» середины, а потом и конца XX – начала XXI века (т. е. продукты «миметического дизайна» [6] в духе братьев Крие, П. К. Бонтемпи, М. Сафди в Иерусалиме, М. Атаянца и М. Филиппова в Сочи и др.). Но категория шире стилистики, ее воплощения разнообразны и, как всегда, парадоксальны. Разберем этот концепт.

Одно из определений: «субстанция (от лат. *substantia* – сущность, нечто, лежащее в основе) – то, что лежит в основе всего; то, что существует благодаря самому себе и в самом себе, а не благодаря др. и в др.; предельное основание, дающее возможность сводить чувственное многообразие».

Sub – под, ниже чего-то, таящееся в основании. Станция (лат. *statio*) – «стояние; местопребывание».

Субстанция – суть, собственно, подстанция – энергетический и коммуникационный узел, источник здесь

и теперь разливающегося тепла и блага. Это подлинная, но латентная сущность вещей, данных в опыте непосредственного переживания; скрытая суть присутствия (при-частности к сути, пребывания при сути); то, что снимает (сводит) частности не в умозаключении и выводах, но в подлинности бытия, в истоках. Но она всякий раз здесь – под станцией, под местом, под площадкой явленности, она сообщает явлению существование и делает локацию Местом.

Еще из Интернета: «Латинский термин «субстанция» Хайдеггер сводит к греческому слову «усия» и понимает его как «пребывание пребывающего и одновременно само пребывающее». Этот тезис из «Бытия и времени», подвергнутый феноменологической деструкции, звучит так: «Способ, каким человек в своем подлинном существовании пребывает при бытии, есть экстатическое стояние в истине бытия».

Отвергая метафизическую трактовку субстанции, Хайдеггер возводит ее к самому условию присутствия, к *Dasein*. Субстанция – тайна бытия, проступающая в непотаенности Места. Внимание к телесности оказалось противостоящим интересу к пространству, совместить их пока не очень-то удается. И, видимо, такое совмещение как «техническая» задача и составляет основной вызов архитектуре города XXI века.

Однако как быть с субстанциальной же критикой «имитационности» современного неоклассицизма, утверждающей, что произведения гораздо более brutальные (С. Холл, П. Меркли, Э. Соуту де Моура и др.) гораздо ближе к подлинности субстанций, в том числе и самих строительных материалов? Увы, в таких работах мы видим всю ту же игру с «правдивостью», что и 1920-е [7], но вовсе не всплеск подлинности, особенно – подлинности урбанистической. Ведь последняя стала идефиксом городского планирования и застройки XX века после работы Кр. Александера «Город не дерево [8], – симуляция истории и подлинности до сих пор находится под большим вопросом, но уж точно она недостойна спекуляциями с «правдивостью» монолитного бетона и прочими прелестями наивного натурализма. Субстанция города сегодня – и уже довольно давно – не камень и не пространство, но плоть памяти и экзистенции горожан. Перефразируя

известный афоризм эры НТП и характерного для нее расширения предметно-дисциплинарных границ «Физика – это то, чем занимаются физики», можно сказать: город – это то, что практикуют горожане. Такое понимание уже намного превосходит профессиональные и дисциплинарные парадигмы, это – плод средового сознания.

Среда

Средовой подход – одно из центральных постмодернистских интеллектуальных движений. В его формировании принимали участие теория Сложности (синергетика), теория Хаоса, теория Катастроф, – то есть постнеклассическая наука, а также постструктуралистская семиотика, поставившая под вопрос самый знак. Средовой подход органично коррелировал с экологическими представлениями, социологической критикой модернистского градостроительства, художественно-эстетическим плюрализмом 1970–1980-х и феноменологической традицией в философии.

Категория городской среды далека от холодного и отчужденного объективизма, напротив, она предполагает известную долю субъективности в процессах восприятия, освоения, преобразования. Однако это должна быть осознаваемая (рефлектируемая) субъективность, то есть ответственная и открытая, а не слепая и догматическая. Важно и то, что понятие среды формировалось под сильным влиянием философской феноменологии (М. Хайдеггер, Г. Башляр, О. Больноф и др.), а в последней предпринята радикальная критика традиционной естественно-научной схемы так называемого субъект-объектного отношения. Это означает, что при работе со средой вообще неправомерно противопоставлять познающего субъекта и объективно существующий «участок», фрагмент города, а также противопоставлять («сталкивать») проектируемый «объект» (существующий пока еще в виде субъективных представлений и образов) и якобы независимо от него существующее «окружение».

Феноменологический эффект достигается лишь при взгляде на все упомянутое как на нераздельную целостность. Благодаря такой целостности, только и можно говорить об органичном «выращивании» проектного решения из уникальных условий конкретной среды, а об авторе – как о выразителе ценностных потенциалов этой среды. Беда в том, что в методологической структуре практически всех видов проектной активности, до сих пор используемых в профессии и образовании, сохраняет свою власть все та же глубоко укорененная, просвещенческая по происхождению субъект-объектная схема, блокирующая понимание таких феноменов и все время провоцирующая переход мышления на рационально-объективистские стратегии проектного действия. Поэтому среду, городскую среду отождествляют сегодня со всем подряд – с застройкой, благоустройством, пространством и с самим городом. Это неверно, но среда сложна: она требует одновременно и холистического видения, и различительных способностей. Вместе с тем имитировать полноценную «историческую» среду сегодня уже научились, и не всегда такие имитации плохи, но они, увы, всегда «на грани» – на грани неподлинности, китча, манипуляции. Поэтому приходится делать ставку на развитие художественной интуиции, композиционного чутья, общей интеллектуальной и эмоциональной восприимчивости – именно в этих слоях профессиональной культуры сохраняются феноменологические интонации и ценности.

Как бы ни мыслить город сегодня, следы «концептуального каркаса» XX века можно без труда обнаружить в самых смелых идеях и проектах, реконструкциях и прогнозах. И дело не в какой-то особенной силе или удачности концептов XX века, напротив, они могут считаться идейными неудачниками со сложной и превратной

судьбой, а сила их едва позволила им самим стать лишь на время и в отдельных деятельностных ареалах рамками организации некоего, до сих пор с трудом верифицируемого творческого воображения. Но пространство, субстанция и среда являют собою исчерпывающий перечень онтологом города, к которому до сих пор не удалось что-либо прибавить. В этом смысле единственное исключение – идея города как сети, лежащая в основе концепций «умного города», – заметно «провисает» как раз в онтологическом плане: несмотря на технологическую обеспеченность (чего не было ни у одной из рассмотренных идей), она не родила к настоящему времени соответственных конфигураций чувственности и воображения, без которых, видимо, работать с городом вообще не представляется возможным.

Литература

1. Капустин, П. В. Век тотальной редукции // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 32–39
2. Борхес, Х. Л. Тлен, Укбар, Orbis Tertius // Х. Л. Борхес. Проза разных лет. – Москва : Радуга, 1989. – С. 50–61
3. Андрей Константинович Буров: Письма. Дневники. Беседы с аспирантами. Суждения современников. – Москва : Искусство, 1980. – 297 с.
4. Серто, М. де. Изобретение повседневности. – Ч. 1. Искусство делать. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 332 с.
5. Эко, У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов. – Москва : Слово, 2009. – 408 с.
6. Капустин, П. В. Миметический дизайн // Архитектура и строительство России. – 2017. – № 4 (224). – С. 114–115
7. Капустин, П. В. Пилястра. От детали к великим тайнам // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 98 – 104
8. Alexander, C. A City is Not a Tree // Architectural Forum. – 1965. – Vol. 122, N 1. – P. 58–62

References

- Alexander, C. (1965). A City is Not a Tree. Architectural Forum, 122(1), 58–62.
- Andrei Konstantinovich Burov: Pisma. Dnevniky, Besedy s aspirantami. Suzhdeniya sovremennikov [Andrei Konstantinovich Burov: Letters. Diaries. Conversations with postgraduates. Judgements of contemporaries] (1980). Moscow: Iskusstvo.
- Borges, J. L. (1989). Tlön, Uqbar, Orbis Tertius. In The prose of different years (pp. 50-61). Moscow: Raduga.
- Certeau, M. de. (2013). Izobretenie povsednevnosti. Ch. 1. Iskusstvo delat [The practice of everyday life. Part 1. The arts of making]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt Peterburge.
- Eco, U. (2009). Vertigo: krugovorot obrazov, ponyatii, predmetov [The infinity of lists]. Moscow: Slovo.
- Kapustin, P. V. (2017). Mimicheskii dizain [Mimetic design]. Architecture and construction of Russia, 4(224), 114-115.
- Kapustin, P. (2019). A century of total reduction. Project Baikal, 16(59), 32-39. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1428>
- Kapustin, P. (2020a). Pilaster: From a small detail to great mysteries. Project Baikal, 17(66), 98-104. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1725>